

К 100-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ Б. Г. АНАНЬЕВА

«СОВРЕМЕННОЕ ЧЕЛОВЕКОЗНАНИЕ» Б. Г. АНАНЬЕВА: СОСТОЯНИЕ И ПРОБЛЕМЫ*

© В. А. Толочек

Толочек Владимир Алексеевич

доктор психологических наук,
профессор

ведущий научный сотрудник
лаборатории психологии
способностей
им. В. Н. Дружинина
Института психологии РАН

В статье рассматриваются актуальные на сегодняшний день положения концепции Б. Г. Ананьева. Обсуждаются «открытые вопросы», ответ на которые предстоит дать современным исследователям. Показана роль концепции Б. Г. Ананьева, ставшей научной парадигмой, для современной психологии.

Ключевые слова: хронотопы знания, структура научной концепции, парадигма, психологическая антропология.

В естественных науках принято называть именами ученых открытые ими явления, законы, terra incognita: «ампер», «вольт», «ом», законы Ньютона, Гаука, Лапласа, «постоянная Планка», Магелланов пролив, пролив Невельского, пролив Д. Я. Лаптева, море, названное в честь братьев Д. Я. и Х. П. Лаптевых. На каком-то этапе развития психология начнет «архивировать свои активы» и также будет присваивать имена первооткрывателей эффектов, подходов, направлений, авторов наиболее продуктивных гипотез и теорий. Собственно, стихийно этот «процесс пошел» — в отдельных случаях устанавливаются именные обозначения составляющих современной психологии: теория поля К. Левина, эффект Б. Зейгарник, психоанализ З. Фрейда, аналитическая психология Н. Г. Юнга, индивидуальная психология А. Адлера, теория деятельности А. Н. Леонтьева. Когда целесообразность именной фактографии в психологии станет очевидной, вклад в науку Б. Г. Ананьева получит свое лаконичное определение. Возможно, это будет «современное человекознание» Б. Г. Ананьева.

Рассмотрим три аспекта проблемы *историчности научного знания*:

---

* Исследование поддержано грантом Российского гуманитарного научного фонда № 06-06-00713а

1. Хронотопы как «единицы научного знания».
2. Внешняя структура научной концепции.
3. Внутренняя структура научной концепции.

1. Хронотопы как «единицы научного знания». Именная фактография в дисциплине — не самоцель науки, не форма «благодарности потомков» или «социальной ловкости» учеников. Проблема серьезнее и много шире. Часть ее можно определить понятием *хронотоп**.

Важной составляющей системы научного знания могут стать своеобразные исторические «моменты развития», фиксирующие в себе как учитываемые описания учеными феноменов их временные, пространственные и иные контексты, так и остающиеся без должного внимания. Такие единицы, *абстрагированные* от одних, *связующие и организующие* другие разнородные массивы знаний, придающие им *инвариантность*, назовем *хронотопами знания* — закрепленным во времени и пространстве типичным восприятием действительности учеными, обусловленным сущностью и стадией развития феномена, определяемым научными парадигмами, характером социального заказа.

В гуманитарных дисциплинах до настоящего времени не придается должного значения *формам* фиксации достоверных фрагментов реального поведения, деятельности, взаимодействия людей, их обусловленности конкретными временными, физическими и социальными контекстами [21]. Если принципиально возможно отделять исторические формы отражения явления от сущности отображаемого, мы можем получать более адекватное, кристаллизованное знание. *Хронотопы знания* рассматриваются нами как спонтанно складывающиеся в недрах науки исторические формы отображения действительности. Образцами таких *хронотопов знания*, например, в психологии труда, могут служить описания психогрэм и типовых программ профессионального отбора, концепции и трактовки функциональных состояний, профессиональной карьеры, кризисов, идентичности, периодизации развития и мн.др. Методологически такие единицы знания, выступающие и как *единицы анализа*, призваны корректировать научное познание — равно как не принимать за истину суждения отдельных ученых, так и, напротив, не порицать их за «отклонения» от истины, по мнению критика. Суть *хронотопа* в том, чтобы суждения каждого ученого рассматривать в обрамлении конкретной исторической и культурной ситуации (матрицы), принимать их как характерное воплощение исторической матрицы в профессиональной картине мира ученого, как взятые в единстве его научные результаты (научные факты) в непосредственной связи с «системой координат», их порождающих. Соотнося с методологией научного познания, можно сказать, что *хронотоп* выступает средством концентрированного воплощения *неклассической парадигмы*.

2. Внешняя структура научной концепции. Комплексное изучение развития человека, проведенное в 1960-х годах под руководством Б. Г. Ананьева (1907-1972),

* Хронология (гр. *chronos* — время, *logos* — учение): вспомогательная историческая дисциплина, занимающаяся установлением точных дат исторических событий и документов; последовательный (по датам) перечень событий, фактов, обычно в виде таблиц [14, с. 577]. Наука об измерении времени [8, с. 1324].

Топография (гр. *topos* — место, *grafo* — пишу): научная дисциплина, изучающая методы съемки местности с целью изображения ее на плане и крупномасштабной карте; поверхность, рельеф к-л местности [14, с. 512].

Топология — раздел математики, изучающий топологические свойства фигур, т.е. свойства, не изменяющиеся при любых деформациях, производимых без разрывов и склеиваний (точнее, при взаимно однозначных и непрерывных отображениях) [8, с. 1213].

до настоящего времени сохраняет свою масштабность, научную фундаментальность, уникальность и неповторимость. Б. Г. Ананьев первым из советских ученых стал разрабатывать проблему человека в психологии предельно широко — от изучения его биологической организации (организмических, индивидуальных особенностей) до социальных условий его жизнедеятельности (социальной ситуации развития, ценностных ориентаций, жизненного пути), опираясь на получаемые в комплексных исследованиях эмпирические данные [3, 4]. Выступая как методолог, как выдающийся исследователь, как талантливый организатор, он заложил новое понимание самого предмета и методов психологии как научной дисциплины. Масштаб деятельности Б. Г. Ананьева делает невозможным ограничение изучения его наследия лишь не критичной и поверхностной констатацией или позитивной оценкой [1]. Его личность стала моментом истории нашей дисциплины. Ряд его научных положений приобрел *статус неявных аксиом*. Поэтому почти полвека спустя нам нужно внимательно сопоставить исходные задачи, рабочие гипотезы, заключения, их эмпирические обоснования в отдельности по каждому из рассматриваемых им вопросов.

По-существу, сформированное Б. Г. Ананьевым научное направление — *современное человековедение*, или *экспериментальная акмеология* [3; 4, с. 237], — является *психофизиологической антропологией*, согласно используемым методам и акцентам внимания ученого. В работах Б. Г. Ананьева просматривается некоторое *смещение предмета* научного исследования: заявлено было одно, а фактически изучалось несколько другое. (Понятия «научное направление» и «научная дисциплина» в контексте статьи используются как синонимы.) Предмет новой дисциплины им задан много уже, чем антропогенез в целом в «Феномене человека» П. Тейяра де Шардена, книга которого была одной из очевидных смысловых и мотивационных предпосылок программы Б. Г. Ананьева, но значительно шире «Человека как предмета воспитания» в понимании К. Д. Ушинского. Хронологически предмет новой дисциплины ограничен периодом среднего возраста (зрелости, взрослости) человека, т.е. 25-55 или 25-50 годами [3, с. 90]. Методологически, концептуально, в область изучения включаются онтогенез, социогенез [там же, с. 31], жизненный путь, широкие перспективы будущего развития человека, включающие освоение им космоса [там же, с. 45]. Анализируется множество взаимосвязанных проявлений сложных био-социально-психологических феноменов, таких как человечество, как индивид, как личность, как субъект, как индивидуальность.

В социальном аспекте предмет новой дисциплины фактически рассматривается в «формате социалистического общества», как условия развития полноценного и гармоничного человека, в соответствии с перспективами и ориентирами, определенными и указанными классиками марксизма-ленинизма. Исторический материализм принимается в качестве теоретического основания [там же, с. 23]. Парадоксально, но изучение онтогенеза не сопрягается с изменчивыми социально-экономическими условиями жизни людей. Анализа и сопоставления разных социальных условий жизнедеятельности людей в работах Б. Г. Ананьева нет. Методически исследование сконцентрировано на изучении психофизиологической организации человека, на сенсорных системах и на «основных психических функциях».

Ретроспективный анализ обнаруживает несоответствие некоторых задач, методов и выводов исследования. К слову, несоответствие фактической эмпирической базе широты взгляда и обсуждаемой панорамы фило-, антропо-, социо- или субъектогенеза, равно как и перспектив развития человека, присущи едва ли не всем капитальным разработкам проблемы человека, рожденным в недрах и в рамках отдельной дисциплины — биологии, палеонтологии, антропологии, психологии (см. Ананьев Б. Г., Алексеев В. П., Асмолов А. Г., Казначеев В. П., Тейяр де Шарден П. и др. [1 — 5, 13, 5, 23]). Едва ли не каждое масштабное изучение феномена человека,

зарождающееся в рамках одной научной дисциплины, почти неизбежно выходит за пределы ее «родовой» предметной области, а обобщения и выводы идут заведомо дальше их «уполномоченности фактами». Каждая отдельная попытка ученого говорить о бесконечном, находясь в плоскости одной дисциплины и исторических рамках своего времени, едва ли может полноценно компенсироваться даже авторскими философскими обобщениями.

В отечественной психологии исследования под руководством Б. Г. Ананьева были первым масштабным опытом, и понятно, что в нем очевидно проявились основные несогласованности, присущие исследованиям такого рода [19, 20]. Одна из них — несогласованность естественнонаучной и гуманитарной парадигм, в рамках которых попеременно ученый рассматривает прошлое, настоящее и будущее человека. Безусловное достоинство таких работ состоит в их активном развитии методологии, в «раскачивании» устоявшихся «теоретических схем» (В. С. Степин) [17]. Их неоднозначная роль — в романтизме и поэтике безоблачных перспектив человечества, в смещении разных контекстов, в прямом транслировании философских обобщений, в частичной подмене научного анализа пафосом политических деклараций и т. п.

В методологическом аспекте это вопрос принципов определения (*о-предела-ния*) развивающейся предметной области научной дисциплины, в границах которой можно корректно рассматривать сложные феномены и восходить к смелым догадкам и обобщениям, но за пределами которых резко увеличивается вероятность необоснованных экстраполяций о сущности объекта исследования. Есть необходимость говорить о самом формате любого «человековедения», «современного человековедения» Б. Г. Ананьева в том числе. Четыре десятилетия спустя нам необходим исторический критический анализ сущности, «координат» и функций научной концепции в целом [19]. И можно предположить, что наиболее эффективной формой такой «коррекции» интерпретаций данных комплексных исследований человека может быть не их критика отдельными учеными, не практика «вторичной науки» (т. е. формулирование новых выводов на основе эмпирических данных, полученных предшественником), а опора на единицы знания (хронотопы и т.п.) и привлечение «форматов» смежных научных дисциплин для «дисциплинарной коррекции» научных знаний, добываемых классической психологией в т. ч.

Успех такой сложной методологической рефлексии будет определяться соотношением предметов смежных дисциплин, изучающих общий объект как единый фрагмент реальности. При таком условии любая перспектива исследования или обобщений будет неизбежно согласовываться с методологическими и методическими «рамками» предметов смежных научных дисциплин. Для каждой дисциплины необходимо выделение такого дисциплинарного контура, в границах которого и можно корректно изучать масштабные фрагменты развивающейся реальности, а за его пределами периодически корректировать, привлекая ресурсы других дисциплин.

Если научные дисциплины можно интегрировать по принципу *системных триад* [7], то для более адекватного понимания сущности комплексного изучения человека смежной и одной из дополняющих подход Б. Г. Ананьева можно считать *психологическую антропологию («человек и культура»)*. Второй смежной и дополняющей научной дисциплиной, позволяющей воссоздать в большей полноте и представить в новом свете содержание ананьевской экспериментальной акмеологии, могла бы стать *дифференциальная антропология* (как дисциплина она может состояться в силу возможности самостоятельного статуса соответствующей предметной области и логики развития науки) или *дифференциальная акмеология* (о такой потенциальной дисциплине уже заявлено [6, 9, 10]). Дисциплинами системной триады, в свою очередь дополняющими и «корректирующими» *дифференциальную антропологию (дифференциальную акмеологию)*, могут выступать классические *дифференциальная психология* и *дифференциальная психофизиология*.

Такою видится завершенная *внешняя структура современного человековедения* — *две триады научных дисциплин*, в рамках которых объяснение данных, полученных в исследованиях под руководством Б. Г. Ананьева, может обрести еще большую глубину и содержательность интерпретации. В сравнении с отдельными суждениями ученых, поиск системных дисциплинарных триад есть путь естественной эволюции научного знания. Это — не путь антитезисов и указаний на противоречия отдельного исследователя, а путь постоянного уточнения формата и содержания развивающегося знания, учитываемых и игнорируемых учеными биологических и социальных контекстов

3. Внутренняя структура научной концепции. Не менее важен для исторической реконструкции наследия Б. Г. Ананьева и обратный подход — анализ *внутренней структуры* человековедения, или экспериментальной акмеологии, — в связи с основными положениями концепции и результатами исследований, с особенностями выборки испытуемых и программы исследования. Их анализ и привел нас к выделению ряда *открытых вопросов* (т. е. не вполне убедительно решенных, скорее, обозначающих проблему, чем предлагающих пути ее убедительного решения). Частью они обусловлены субъективными пристрастиями и некоторым «психофизиологическим смещением» предмета исследования [19], частью — историческим развитием социальных феноменов, частью — входящих в предметную область гуманитарных дисциплин [20, 22], частью — развитием методологии дисциплины. Рассмотрим основные положения концепции Б. Г. Ананьева как *открытые вопросы*, поставленные организацией лонгитюдного и комплексного изучения человека, рабочими гипотезами, полученными результатами.

Первый открытый вопрос — тип полученных данных и их интерпретация. Б. Г. Ананьев, обстоятельно обсуждая вопросы методологии научного исследования, подчеркивает, что наиболее ценные и корректные данные дают лонгитюдные исследования [3, 4]. Однако в интерпретации эмпирических данных он ни разу не указывает, какой именно тип «лонгитюд» или «срезы» использовался и различаются разные данные.

Второй вопрос. В двух монографиях есть разделы, названные «индивидуальное развитие», но ни разу не приводятся все отражающие индивидуальную вариативность статистики (средние, размах вариации признака, средние квадратические отклонения). Автор оперирует преимущественно коэффициентами корреляции, «факториальными» структурами и, обобщая материал, иногда «средними» статистиками.

Третий открытый вопрос. Половые различия — базовые индивидуальные особенности человека в концепции Б. Г. Ананьева, как фактор различия эволюции психических функций, им просто не рассматривался.

Четвертый. При организации исследования и, соответственно, интерпретации полученных данных не учитывается проблема так называемых «когорт» — проблема нетождества и даже разрыва социально-экономических условий развития обследуемых групп людей.

В данном случае 30–35 летние испытуемые были, соответственно, 1930–1935 годов рождения. Важнейший для них период развития и образования приходится на трудные военные и первые послевоенные годы, на время колоссальных изменений образа жизни всех групп населения страны, но наиболее значимо изменились условия развития для подростков, юношей и молодежи, для выходцев из села, для воспитавшихся в неполных семьях, для подростков, раньше времени ставших кормильцами для младших братьев и сестер. Видимо, именно этой причиной и объясняется структура четырех экспериментальных групп: «1 — имеющие *восемилетнее* образование и *нигде не обучающиеся* далее, 2 — *учащиеся* 9 — 10-х классов общеобразовательной школы *рабочей молодежи*, 3 — имели законченное среднее образование, 4 — студенты высших учебных заведений. Кроме того, для *старших возрастов отбиралась* еще

одна группа лиц, имеющих законченное высшее образование» [4, с. 237—238].

Можно предполагать также, что для представителей первых трех групп самооценку образования была не очевидна, уровень общей тренированности «основных интеллектуальных функций» испытуемых был также явно различен. Временной интервал между окончанием систематического обучения и диагностикой также не учитывался, как и 5-летний цикл обучения в вузе (активная перестройка и мобилизация вначале, адаптация к требованиям вуза в конце) как скрытый фактор, в логике которого и проводились лонгитюдные обследования 350 студентов.

Пятый вопрос — о валидности процедуры психодиагностики в отношении разных групп испытуемых. При *экологической парадигме* зарождения и функционирования психического [11, 17, 24 и др.] его содержание должно рассматриваться в совокупности естественных условий жизнедеятельности человека, животного, особи. Этот аспект был неочевиден, не фиксировался наукой четыре десятилетия тому назад.

Другими словами, корректными психодиагностические данные могут считаться тогда, когда *типовые условия исследования* (работа за письменным столом с вербальным стимульным материалом, использование ручки и бумаги и пр.) *соответствуют типичному образу жизни, поведению, образу мира* и т.п. у всех испытуемых, которые в этом отношении находятся в равных условиях.

Но очевидно, что это важнейшее условие не соблюдено. Представители первой группы не только меньше других находились в *искусственной образовательной среде* только восемь лет, а не пятнадцать, как, например, представители третьей группы, имеющие законченное высшее образование. Они не имели *постоянного опыта поведения и работы* в ее условиях в период диагностики. Фактически, скорее всего, они уже задолго до окончания восьмилетней, обязательной в то время школы сделали соответствующие выводы о своем потенциале усвоения знаний, о своей потребности в них, о характере своей профессиональной карьеры, образа жизни, как-то определились в ценностях и смыслах своей настоящей и будущей жизни и т.д. *Искусственная образовательная среда* не была для них естественной средой их жизнедеятельности, равно как и стандарты оценки памяти, внимания, мышления, восприятия были нетипичной ситуацией.

В наиболее выгодном положении находились представители третьей группы — студенты дневного отделения вуза. Именно образовательная среда была для них наиболее естественной, определяющей не только образ их поведения и *тип ведущей деятельности*, но и порождающей и задающей множество значимых для молодых людей социально-психологических феноменов (социальные статусы, роли, критерии социального успеха и пр.). Процедуры типовой диагностики мало отличались от привычной для них ситуации зачетов, экзаменов и подготовки к ним. Постоянная интенсивная тренировка *основных психических функций* также не могла не сказываться на количественных характеристиках этих функций, являющихся параметрами оценки уровня их развития и, соответственно, определяющих выводы ученого, сделанные на основании анализа полученных таким образом данных. Понятно, что и в этом аспекте также не могли не закрадываться серьезные искажения.

Шестой вопрос — о полноте и достаточности базы исследования для формулирования сделанных выводов.

Обратимся к первоисточнику. Программа *«экспериментальной акмеологии»* была разработана в 1957 г., а реализована в 1965–1970 годах, т.е. почти десятилетие спустя, в двух экспериментальных планах — лонгитюдном и возрастных «срезах» [4, с. 237—238]. Лонгитюд — это 350 студентов, обследуемых на протяжении пяти лет обучения, т.е. в большинстве лица в возрасте от 17–25 лет. «Срезы» — около 1800 человек: 18 возрастных групп по 50 мужчин и 50 женщин по каждому возрасту от 18

до 35 лет. Из них только около 400 человек прошли углубленное дифференциально-психологическое исследование [там же, с. 238]. Таким образом, в исследовательском плане «срезы» с учетом пола и четырех разных типов групп соответственно уровню образования, каждую возрастную группу составляли 12–13 мужчин и столько же женщин (1800 чел.: 18 возрастов: 2 пола: 4 уровня образования = 12,5 чел.). Для программ углубленного обследования гомогенные группы составляли 2–3 человека соответственно (400 чел.: 18 возрастов: 2 пола: 4 уровня образования = 2,7 чел.). Данные диагностики таких по величине групп и служили базой для основополагающих выводов ученого об эволюции психических функций человека с 18 до 35 лет, об индивидуальном развитии, о роли труда и др.

В целом, выборки испытуемых следует признать смещенными. Более корректными и сопоставимыми можно считать данные «срезов» и «лонгитюда» только 18–25 летних. Другими словами, именно того возрастного периода, когда именно *возрастные вариации «индивидуального развития»* еще наименее выражены, если ориентироваться на замысел самого комплексного изучения человека и генеза его психических функций в частности.

Видимо, именно в величине фактических групп и коренится объяснение отсутствия всех актуальных статистик (размах вариаций, средние квадратические отклонения) в обсуждении полученных данных и указаний на их тип («срезы» или «лонгитюд»). Полученные данные обобщались как обозначение и отражение тенденции развития психического в целом, как подтверждение выдвинутых ученым рабочих гипотез. Однако реально «достаточный и необходимый» материал был лишь для возрастного периода 18–25 лет.

Седьмой открытый вопрос — о временной перспективе развития человека. Исследование планировалось, осуществлялось и завершалось периодом ранней взрослости — 35-летним возрастом. После теорий развития З. Фрейда, Ж. Пиаже, Л. С. Выготского, П. П. Блонского это был прорыв и колоссальный прогресс в постановке и в самом развитии темы. Примечательно, что и полученные обобщенные результаты свидетельствовали о принципиальном изменении динамики эволюции именно к 35 годам [3, 4]. Последующая динамика не изучалась. Неоднократно обращая внимание на гетерохронность развития, Б. Г. Ананьев тем не менее не предлагает новых оснований периодизации развития, которое как-то определялось бы этой неравномерностью.

Согласно программе, наиболее обстоятельно был изучен возрастной период от 18 до 25 лет (350 человек — лонгитюд и 800 — «срезы»). Период с 26 до 35 изучался только как возрастные срезы (т.е. по 12–13 человек в гомогенных группах, а в программах углубленного изучения по 2–3 соответственно, см. выше п. 4). Период от 36 до 60 лет вообще не изучался. Привлекательный Б. Г. Ананьевым литературный материал также отражал динамику генезиса молодых, а не пожилых людей.

Согласно рассматриваемым Б. Г. Ананьевым данным 33–35 лет, есть «срединный» рубеж, но, строго говоря, лишь для «основных интеллектуальных функций» [4; рис. 1]. Одинаков ли он для всех людей, для всех исторических эпох? В литературном обзоре Б. Г. Ананьевым приводятся данные о фактическом *историческом смещении* на 5 лет всех фаз развития к более позднему возрасту за последнее столетие (1860–1960). Однако эта тема далее не обсуждается. Такое историческое смещение генеза функций к середине XX столетия остановилось, замедлилось, или оно ускоряется? Б. Г. Ананьев приводит данные о более чем двукратном с 1913 года увеличении продолжительности жизни за последующие 40–50 лет [3, с. 83], но и эта тема не находит конструктивного отражения в концепции эволюции психических функций.

Восьмой открытый вопрос — о нетождестве «психических функций» и «психологических систем». Б. Г. Ананьевым изучались «основные интеллектуальные функции (различные формы восприятия, мышления, памяти, внимания) и общая

структура интеллекта» [4, с. 238]. В то время как выводы им экстраполировались на все типы психических функций и психологических систем. Последнее понятие тогда еще не вошло в тезаурус отечественной психологии, а содержание им обозначаемого феномена объяснялось слишком общо.

Сама сущность психологических систем станет предметом исследования лишь 20-30 годами позже [12]. В силу научных интересов и пристрастий ученого его внимание сконцентрировано на генезисе разных модальностей сенсорно-перцептивной сферы. Но какова динамика психических функций и психологических систем разной «сложности», «общности», «интегрированности»? Каковы могут быть их функции: компенсации, интеграции, стабилизации функционирования психической сферы человека? Несут ли нэгэнтропийные функции, системы высокого порядка? Каковы возможности и пределы интеграции психологических систем (в контекстах выделения новых и новых личностных новообразований, структур интеллекта и т.п.)?

Очевидно, что Б. Г. Ананьевым рассматривалась иная реальность — только основные *психические функции*, но никак не сложные *психологические системы*. Первые формируются, характеризуются свойствами и соотносимы с тем, что называют «малыми системами» (см.: Афанасьев В. Г., Берталанфи Л., Эшби У. Р., Юдин Э. Г. и др.), вторые — называют «большими системами», развивающимися и функционирующими по иным законам (см.: Пригожин И., Курдюмов С. П., Малинецкий Г. Г., Хакен Г., Файербаум М.). Первые рассматриваются как равновесные состояния, как обратимые процессы, вторые — как неравновесные и как необратимые. Образно говоря, расстройство внимания или памяти не тождественны душевному кризису гения. Качественно и даже принципиально различны онтология и методология изучения «малых» и «больших систем». Поэтому выводы, сформулированные Б. Г. Ананьевым на основании изучения «малых систем», едва ли правомочно экстраполировать на предельно широкий спектр сложных психологических феноменов.

Девятый вопрос — о роли труда, интеллектуального в частности, как фактора эволюции психических функций. Для разработки этого вопроса Б. Г. Ананьев привлекает понятия «субъект деятельности» и «субъект труда». Понятие субъект деятельности в это время еще только становилось как основная категория отечественной психологии и отражало, скорее, методологические установки отечественных ученых, а не онтологию данного феномена. В понятие «субъект деятельности» «субъект труда» привлекается Б. Г. Ананьевым без какой-либо его операциональной разработки, без наполнения реальным эмпирическим содержанием.

Десятый открытый вопрос — о роли социальной среды, социального статуса человека (в более широком смысле, чем социальные роли и ценностные ориентации). Здесь также имеет место совокупность не очевидных и не бесспорных положений.

В 1960-х в СССР не было того социального расслоения общества, какое мы видим на рубеже XX и XXI столетий. В работах Б. Г. Ананьева систематически указывается на приоритеты социалистического труда, воспитания и образа жизни («социалистическое общество», «коммунистическое воспитание», «труд при социализме»), автором делаются систематические ссылки на труды В. И. Ленина, К. Маркса, Ф. Энгельса (1 глава: с. 17, 18, 21, 22, 24, 28, 35; 2 глава: 61, 62, 64, 65, 70... и т.д. [4].)

Предположим, что для Б. Г. Ананьева это было не вынужденной политической и идеологической мимикрией, а важной составляющей мировоззрения ученого. Как писал тот же В. И. Ленин, «жить в обществе и быть свободным от общества нельзя». Следовательно, и здесь также нужно делать коррекцию «координат» научной концепции ученого.

Одиннадцатый вопрос — о жизненном пути как факторе эволюции

психических функций. Он стал ключевым тезисом всей концепции Б. Г. Ананьева, но совершенно не рассматривался с привлечением фактографического материала и остался просто декларацией. Не рассматривались темы жизненных кризисов, кризисов профессионального становления, профессиональной карьеры, посттравматические синдромы и мн.др. В 1960-х они еще не рефлексировались наукой, еще были актуальны.

Возможно, именно в силу масштабности исследовательской программы и смелости концептуального обобщения психологам было удобнее видеть в концепции Б. Г. Ананьева «аксиому», а не материал для последующей научной разработки. Если же *научную концепцию* рассматривать как научную эстафету, то нам необходимо заново определить социальные и методологические «координаты» структуры теоретического знания (В. С. Степин), которые использовал ученый, определить «координаты» научной парадигмы, в рамках которой Б. Г. Ананьев жил, работал и мыслил. Как и многие советские психологи, Б. Г. Ананьев был нечувствителен к широкому спектру социальных условий развития личности. В 1950-1960-х многие из них были еще не актуальны и малосущественны. Многие социальные феномены к середине 1960-х годов еще не имели той стадии своего развития, которую мы наблюдаем в наше время.

В этом кроется одна из серьезных причин возможного смещения как фактических эмпирических данных, так и самой методологии их изучения и понимания. Как образно сформулировал один из часто цитируемых Б. Г. Ананьевым классиков, «... анатомия человека есть ключ к анатомии обезьяны, но не наоборот. Только с позиции более высокого уровня мы можем судить о более низких стадиях развития ...» [16, с. 42]. Однако игнорирование этих факторов полвека спустя в лучшем случае было бы очень поверхностным прочтением Б. Г. Ананьева.

Предметом его масштабного исследования были только «основные психические функции», в то время как обобщения делались предельно широко — на весь класс сложных психологических явлений. Вероятно, в частности, могут принципиально различаться закономерности эволюции «*основных психических функций*» и более сложных *психологических систем* [12]. Полученные данные были во многом новаторскими. Но методология находилась на уровне исторической зрелости дисциплины, используемый статистический аппарат был крайне ограничен, для анализа использовалась часть статистик. Следовательно, есть настоятельная необходимость периодического возвращения к исходным задачам, к ранее полученным эмпирическим данным, к ранее сделанным выводам даже выдающимся ученым с последующим формулированием новых гипотез и их эмпирической проверкой.

Исследования, выполненные под руководством Б. Г. Ананьева в 1960-х, до настоящего времени остаются наиболее глубокими и последовательными в отечественной психологии. Но даже в его масштабном проекте до настоящего времени остаются серьезные научные лакуны: *субъект труда, нетождество основных психических функций и сложных психологических систем, пределы интеграции систем, энергетический обмен (метаболизм) и эволюция психики, эволюция психологических систем и половой диморфизм, эволюция систем в разных возрастных интервалах (18-25 лет, 26-35, 36-60), эволюция в связи с различием социальных позиций людей, успешности их профессиональной карьеры, благополучия жизненного пути, характера жизненных кризисов* как условий становления и детерминант обсуждаемых эволюционных процессов. Внимание ученого было сосредоточено на возрастной, т.е. естественно *биологической эволюции* психических функций. Вне внимания остались два других мощных пласта детерминант эволюции психического: *социально-исторические факторы и экология бытия*. Перед нами поле деятельности, названное Б. Г. Ананьевым «*современным человековедением*». До настоящего времени оно остается пространством *открытых вопросов*, к которым

нам нужно относиться как к актуальному научному наследию, как к научному завещанию, как к эстафете, которую должно принять и в свой час передать другим.

Исторически изменчивы все социальные феномены [22]: «субъект труда», точки старта человека в трудовую жизнь, уровни образования людей, социальная ситуация развития личности, ее социальный статус и мн.др. Строго говоря, за минувшие почти полстолетия коренным образом могли измениться едва ли не все «координаты измерения», в рамках которых в 1960-х годах строилось исследование Б. Г. Ананьева, едва ли не во всех изучаемых феноменах выделены новые параметры, по которым их можно оценивать. Едва ли не все рассматриваемые Б. Г. Ананьевым феномены во второй половине XX ст. прошли несколько точек *расщепления* в процессе своего генезиса. По определению *человекознание не может быть современным, апеллируя к данным полувековой и вековой давности.*

Выводы

1. Безусловное достоинство научных работ Б. Г. Ананьева состоит уже в самой постановке проблемы человека как предмета познания и в ее комплексной разработке в рамках психологии. При очевидной научной новизне полученных им результатов остались «открытые вопросы». Они определяются изменением со временем сущностных свойств всех социальных явлений как постоянно развивающейся реальности, феномена человека в том числе, исторически уникальными социальными условиями жизни людей, методологической и методической зрелостью научной дисциплины, ее теоретическим и методическим аппаратом, используемыми конкретными учеными.

2. В силу своей уникальности и масштабности исследования, научной новизны богатого эмпирического материала, согласованности концепции Б. Г. Ананьева с идеологическими постулатами современного ему общества, эта концепция в течение нескольких десятилетий выполняет важную методологическую функцию в отечественной психологии и, по существу, приобрела статус *научной парадигмы.*

3. В силу высокого авторитета Б. Г. Ананьева многие положения его научной концепции восприняты психологами как аксиомы, притом что предметом изучения были процессы эволюции еще не развитых до своих зрелых форм *проявлений психического.* Полученные результаты широко экстраполировались. Некоторые важные условия становления, развития и функционирования психического не учитывались.

4. Вопросы, обсуждаемые Б. Г. Ананьевым в 1960-х годах, не исчерпали своей актуальности и нуждаются в дальнейшем исследовании.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Акмеология / под общ. ред. А. А. Деркача. М. : РАГС, 2002. 650 с.
2. Алексеев, В. П. Становление человечества. М. : Политиздат, 1984. 462 с.
3. Ананьев, Б. Г. Человек как предмет познания. В кн. : Избранные психологические труды. М. : Педагогика, 1980. С. 13—78.
4. Ананьев, Б. Г. О проблемах современного человекознания. СПб. : Питер, 2002. 272 с.
5. Асмолов, А. Г. Психология личности. М. : Изд-во МГУ, 1990. 367 с.
6. Базылевич, Т. Ф. Проблема тестов в дифференциальной психологии и дифференциальной акмеологии. М. : РАГС, 2006. 100 с.
7. Баранцев, Р. Г. Синергетика в современном естествознании. М. : УРСС, 2003. 144 с.
8. Большой энциклопедический словарь. М. : Большая российская энциклопедия, 2002. 1456 с.

9. Дудин, С. И. Дифференциальная акмеология: предмет исследования // Психология и жизнь. Вып. 6. М. : РПО, МОСУ, РАГС, 2003. С. 44—57.

10. Дудин, С. И. Дифференциальная акмеология: предмет исследования и особенности анализа психики человека // Социология и управление персоналом. 2006. № 5 (21). С. 47—52.

11. Дерябо, С. Д. Методологические проблемы становления и развития экологической психологии / С. Д. Дерябо, В. А. Ясвин // Психологический журнал, 1996. Т. 17. № 6. С. 4—19.

12. Идея системности в современной психологии / под ред. В. А. Барабанщикова. М. : Институт психологии РАН, 2005. 496 с.

13. Казначеев, В. П. Адаптация и конституция человека / В. П. Казначеев, С. В. Казначеев. Новосибирск : Наука, 1986. 107 с.

14. Краткий словарь иностранных слов. М. : Русский язык, 1988. 632 с.

15. Марков, В. Н. Личностно-профессиональный потенциал управленца и его оценка. М. : РАГС, 2001. 262 с.

16. Маркс, К. Собр. соч. / К. Маркс, Ф. Энгельс. Т. 46, Ч. 1.

17. Панов, В. И. Экологическая психология: Опыт построения методологии. М. : Наука, 2004. 197 с.

18. Степин, В. С. Теоретическое знание. Структура, историческая эволюция. М. : Прогресс-традиция, 2000. 634 с.

19. Толочек, В. А. «Квазидиагностика» и проблема целостного изучения человека // Мир психологии. 2004. № 4. С. 100—111.

20. Толочек, В. А. Социализация в квадрате: локализация феномена «акме» и его вероятные детерминанты // Мир психологии. 2005. № 4. С. 50—65.

21. Толочек, В. А. Современная психология труда. СПб. : Питер, 2005. 479 с.

22. Юревич, А. В. Психология и методология. М. : ИП РАН, 2005. 312 с.

23. Тейяр де Шарден. Феномен человека. Вселенская месса. М. : Айрис-пресс, 2002. 352 с.

24. Pawlik K., Shapf K. Okologische-Psychologie: Entwicklung, Perspektive und Aufbaueines Forschungsprogramms // Umwelt und Verhalten. Bern, 1992. P. 9.

«Modern Humanology» of B.G. Ananiev: state and problems

V. Tolochek

Urgent tenets in the concept of B.G. Ananiev are considered. «Open questions» are under discussion and the response should be given by modern researches. The role of the concept of Ananiev is shown, which became the scientific paradigm for modern psychology.

Key words: knowledge «chronotops», the structure of scientific concept, paradigm, psychological anthropology.